

ОТЗЫВ

**Официального оппонента доктора философских наук А.В. Малинова
о диссертации Дмитрия Александровича Шабанова «Семантическое значение
церемониальной культуры (на примере византийского придворного церемо-
ниала)», представленной к защите на соискание ученой степени
кандидата философских наук по специальности 09.00.13 -
философская антропология, философия культуры**

Сошедшая более пяти веков назад с исторической сцены византийская цивилизация дала мощный импульс культурному развитию как Европы, перешагнувшей порог Ренессанса на пути к порокам современной цивилизации, так и России. Значение Византии не исчерпывается чисто историческим интересом. Диссертация Дмитрия Александровича Шабанова показывает, что византийская культура может послужить благодатным материалом и для современной философии культуры.

Предметом диссертационного исследования стал византийский придворный церемониал X-XIV веков. Церемониальная культура понимается в диссертации как совокупность ритуальных практик и герменевтических дискурсов. Собственно говоря, придворный ритуал является высшим выражением церемониальной культуры. Теоретико-методологические основы исследования сформулированы в первой главе диссертации «Семиотическая феноменология церемониальной культуры». Одним из главных вопросов в ней становится вопрос о взаимоотношении культа и ритуала. Культ предполагает устремленность к «иному», интенсивную ценностную окраску. В то время как ритуал - это внешняя объективация культа. Согласно приведенному в диссертации определению, ритуал «является стандартным, непосредственно наблюдаемым и воспроизводимым набором осмысленных действий, имеющих ценностное содержание». Формальная систематизация ритуала, его идеологизация находят выражение в церемониале.

Полнее всего в диссертации разработана методологическая сторона исследования. На протяжении более полутора сотен страниц своей работы Дмитрий Александрович строго придерживается семиотического метода. Надо признать, что выбранная методология оказывается весьма продуктивной для анализа привлекаемого материала. Автор следует дедуктивной стратегии подачи материала. Сначала подробно выясняются теоретические установки, так сказать аксиоматика, исследова-

ния и лишь затем четкая понятийно-методологическая схема накладывается на фактографию. Все это позволяет диссертанту рассматривать церемониальную культуру в качестве семиопространства, раскрывая ее смыслы в контекстах политической и религиозной культуры. Тонкая семиотическая работа позволяет поставить на вооружение исследователя внушительный арсенал семиотических категорий: знак, текст, дискурс, ритуал, экспонент, вербальный знак, предметный знак, акционный знак, референт, смысл, концепт, субъязык, результативный ритуал, иллюстративный ритуал, облигаторные и необлигаторные ритуалы, симультанные и несимультанные ритуалы. Все они присутствуют в диссертации и в своей дифференционной единственности и в интерпретационной множественности. Эпистемологическая мощь предложенной методологии устраняет всякие сомнения в философской атрибуции диссертации. Историческая и культурологическая, на первый взгляд, тематика исследования перерабатывается при помощи семиотики в универсальный философский продукт. И это производит сильное впечатление, оставляющее, правда, двойственное ощущение. Столь плотная концентрация терминологических различий и методологических уточнений может привести к вымыванию культурно-исторической специфики изучаемых фактов, способна стерилизовать материал вплоть до утраты его содержания. Теснота определений на страницу диссертации порой явно превышала меру моего восприятия, вводя в состояние методологической интоксикации. Безусловно, диссертант владеет семиотикой столь же ловко, как и византийские богословы диалектикой. Однако зачастую такая методология превращается в самоцель, в самодостаточный талмудический дискурс, замкнутый на самого себя. Создается впечатление, что это не семиотика служит анализу византийского придворного церемониала, а весь этот церемониал сложился тысячелетие назад лишь для того, чтобы оттачивать семиотическую терминологию и шлифовать семиотическую методологию. Конечно, совершенству нет предела, но лишь до того момента, пока процесс не становится самоцелью.

Взятая изолированно, семиотика очень заманчива. В ее аксиоматику входят «объективность», «точность», «строгость», в своем дедуктивном развертывании легко продуцирующие эффект наукообразности. И этот эффект автор прекрасно достигает. Принципиальной проблемой всякого исторического, в том числе и историко-культурного, исследования является недоступность самого события, его опосредованность источником. В случае с византийским придворным церемониалом

мы имеем дело не с самим ритуалом, а с его описанием или инструкцией, т. е. набором вторичных значений, надстраивающихся над теми значениями, которыми обладали элементы самого ритуала. Задача исследования должна состоять в том, чтобы расчищать слои значений, проникать сквозь толщу интерпретаций, а не интерпретировать интерпретации. Семиотика - хороший способ отстранения от материала, его универсализации, превращения в схему. Метаязыки описания и субязыки, наверное, можно множить до бесконечности. Можно даже гипотетически предположить такую ситуацию, когда далекий исследователь семиотики в России, привлекая в качестве источника нынешнюю диссертацию Д.А. Шабанова, будет вводить новый метаязык для ее описания. Мультипликация языков в данной ситуации имеет лишь один итог - утрату реальности.

Всякая методология имеет свои пределы. И семиотика - не исключение. В применении к византийской церемониальной культуре она закрывает или оттесняет такие стороны ритуала как социально-коммуникативную, т. е. его адресацию к «другому», определение этого «другого» и того смысла, который заключен в ритуале как социальном действии, информативности ритуала, его возможной эвристичности и результативности, а не просто семиотического накачивания; аксиологический аспект ритуала, обозначающий, с одной стороны, его онтологическое содержание (ценностную вертикаль), а с другой, - фиксирующий нормативность культуры и общества, указывающие на «должное» состояние. Примечательно в этом отношении, что диссертант отказывается от термина «символ» в своем исследовании, ссылаясь на его многозначность. Но ведь не менее многозначны и широко тиражируемые в диссертации понятия «знака», «значения», «смысла» и другие. Отказ от «символа» здесь больше, чем отказ от термина. Символизм составляет существенную характеристику средневековой культуры, вводя ритуал в область онтологии сакрального. «Сакральность является специфической и при этом существенной характеристикой ритуала», - провозглашает диссертант. Анализ понятия «сакральное» он посвящает второй параграф первой главы. Блестящий, хотя может быть иногда и избыточный, этот анализ не решает главного: вне символизма церемониальный ритуал превращается в вариант семиотической игры, становится обменом знаками. Феноменологическое описание, оставаясь в пределах онтического, имеет дело с ритуалом лишь в горизонте чередующихся значений.

Чтение диссертации Д.А. Шабанова окончательно убедило меня в том, что семиотика культуры - это шаг, который надо сделать, это этап, который надо пройти для того, чтобы забыть его и начать жить. Семиотика формализует исследовательскую практику. Методологию же историко-культурного исследования я бы представил как игру контекстами, уровнями описания и дискурсами, придающими «объемность» предмету. Взятая же отдельно, семиотика лишь упрощает предмет.

Со второй главы «Основные структурные элементы византийского церемониала» язык диссертации заметно меняется. В первом параграфе автор дает описание-реконструкцию исторического центра Константинополя. В древнем Царьграде Дмитрий Александрович чувствует себя столь же по-хозяйски уверенно, как, вероятно, и на домашней кухне. Фиксация магистралей, церквей, дворцов и общественных построек не просто является частью константинопольской археологии, но позволяет выявить основные социальные институты византийского общества (императорская власть, народ, Церковь) и так сказать материально предъявить источники императорской легитимности: ипподром и храм. Этот параграф показывает уникальную способность исследователя держать у себя в голове трехмерную, яркую и красочную, модель древней столицы Византийской империи, иногда даже переходя в описании города и торжественных шествий и богослужений тонкую грань между царьградологией и царьградоманией.

Собственно семантика придворного церемониала раскрывается во втором параграфе второй главы. Второй параграф как бы повторяет содержание первого, но на новом уровне семантических обозначений. Своеобразный прием повтора не только приводит к наращению смысла, но и дает возможность ощутить через церемониал «дух византийской цивилизации» - ее театральность. В церемониале находит отражение мифология императорской власти. По словам диссертанта, «главная проблема, вставшая перед византийской цивилизацией, но так до конца и не решенная, есть проблема священной природы царской власти». Во второй главе предпринимается попытка проследить семантические отношения светской и церковной сфер на примере праздничных посещений императором храма Св. Софии. Анализ церемониала приводит Дмитрия Александровича к взгляду на Византию как на цивилизацию памяти и воспоминаний, семантически присутствующих в ритуалах: «церемониал есть еще и мощнейшая машина времени, вызывающая духов прошлого и утверждающая дух настоящего, избирающая места, несущие в себе ис-

торические воспоминания, на которых, в свою очередь, эта память и концентрируется».

В третьей главе рассматривается церемония императорского венчания на примере формирования династического культа македонской династии. Для мифологии македонской династии оказываются значимы семантические модели царства Давида и царства Константина. Повествуя о перипетиях канонизации Феофано и других событиях этой эпохи, автор прослеживает многочисленные параллели, пересечения и дубликаты смыслов, отсылающих к другим историческим событиям, прежде всего событиям Ветхого и Нового заветов. Смысл церемониала, в частности, ритуала Господских праздников, как показано в диссертации, состоял в легализации императорской власти церковью. Целью всех этих ритуалов была сакрализация власти. Однако семиотическое описание церемониала, возможно против воли автора, наоборот, десакрализует ритуал. Выявление знаковой природы церемониала элиминирует ценностную вертикаль ритуала, располагая значения и смыслы в поюсторонней плоскости исторических воспоминаний и политических притязаний. Отмечая неисключающие контексты христианских праздников, возможности наслаивания друг на друга разных семантических уровней и их актуализации в последовательном разворачивании церемониала, Д.А. Шабанов приходит к выводу о византийской культуре как культуре архаизирующей, опирающейся на прецеденты из церковной истории. В уяснении специфики византийского придворного церемониала ключевую роль, таким образом, играет «прецедентное сознание», раскрывающееся в акционных знаках, составляющих ритуал и выступающих в качестве означающих власти, посредством фиксации воспоминаний. К сожалению, в диссертации лишь намечена перспектива эсхатологического, а не только мемориального, истолкования византийского церемониала.

Диссертационное исследование Д.А. Шабанова написано на основе редкого историко-культурного материала. Из текста диссертации видно, что автор буквально вживается в топос царя городов, проживает описываемые события, воскрешает их в своих представлениях и дает возможность читателю опосредованно ощутить их былое величие. В хорошем смысле научная одержимость выступает здесь залогом оригинального и добротного исследования. Не только философы культуры, а может быть в большей степени византинисты будут благодарны Дмитрию Александровичу. А это дорого стоит. Диссертационное исследование «Семантическое

значение церемониальной культуры (на примере византийского придворного церемониала)» соответствует квалификационным требованиям ВАК, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 - философская антропология, философия культуры.

Доктор философских наук,
профессор кафедры истории русской философии
Санкт-Петербургского государственного университета

А.В. Малинов

22.10.2012

